

Михаил Буканов

*Сказания
о Путяте*

Михаил Буканов
Сказания о Путяте

«Издательские решения»

Буканов М.

Сказания о Путяте / М. Буканов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852235-2

Сказ про времена стародавние, прошлые. Про дедов и отчичей наших, что Русь любили и от врагов хранили, что и нам завещано.

ISBN 978-5-44-852235-2

© Буканов М.
© Издательские решения

Сказания о Путяте

Михаил Буканов

© Михаил Буканов, 2017

ISBN 978-5-4485-2235-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В давние стародавние времена неподалёку от Боровицкого холма, на берегу чистой, мягко струящей свои воды речки Неглинки в большой бревенчатой избе, окруженной крытыми загонами для скота жили-были два брата Ведмедь да Путята. Нам то сейчас кажется, что имена вроде бы странные, но в то время называли родители детей по славянско-угорской традиции. Родился третьим-Третьяк, пришел в семью неожиданно-Неждан, ну и так далее. Священники при рождении давали имена, в святцах отмеченные, для этого времени года, месяца и дня. Но звали братьев так, как их родители прозвали. Жили братья не богато. Охотились в лесах окрестных, силки на птиц ставили, ловушки мастерили для пушного зверя, да и на кабана и медведя с рогатиной хаживали. Выжигали Ведмедь да Путята лес, а потом в золу сажали и рожь-матушку и овёс. С урожаем бывали хорошим, а лет через несколько переходили на другое место. Да вот беда. И шкур звериных было много, и рожь на продажу оставалась, да продать то добро своё было некому. Отрезал лютый ворог пути купеческие от берегов Москвы-реки. Пал под натиском кочевого народа стольный Киев град. Закрыли вороги пути-дороги в Господин Великий Новгород. А было в то время братьям по двадцать пять лет. Потому что родились они у родной матушки в один час, один за другим. Не было у братьев родных. И мать и отца Господь прибрал, а сестёр у них и вовсе не водилось. На холме Боровицком стояла малая крепостца, и обороняло её совсем немного дружинников. Сам то князь всё больше в разъездах был, то в Суздале, то во Владимире, а то и в Ростове Великом, что на озере Неро! Некому было оборонить землю Русскую. И стояла Русь пуста добычей лёгкою. А князя своё княжение на коленях у лютого ворога вымаливали, друг на друга доносы несли, да братьев-князей убивали исподтишка, коварно! И хотели бы Ведмедь и Путята семьи завести, да в покое и достатке пожить, не могли. Налетит ворог сами братья в лес уйдут, а куда баб девать с ребятишками? Уже и раньше бывало, что сжигали налётчики все посадки вокруг. И стояла Москва сгоревшая вовсе, а жителей в полон угоняли, в далёкую Орду Золотую, где жил страшный и всемогущий хан, воинов своих и посланцев-баскаков по Руси рассылавший! Так что перед ночью коней своих Сивку да Бурку держали братья подседланными, и рогатины и лук со стрелами всегда наготове были. Шкуры звериные дорогие прятали братья в схроне-избушке малой в лесу, ну а урожай в ямы закапывали, ничего ворогу лютому отдавать не собирались! Однажды ночью глухой из крепости звон набатный раздался, полыхнули дома и сараи вокруг. Враг напал. Быстро Ведмедь и Путята коней оседлали, прыгнули в сёдла да и в проулок. Только враг уже рядом. Прянули быстрые стрелы, и несколько всадников в халатах и малахях с коней рухнули. А тут рогатины в ход пошли! Да и Бурка с Сивкой бьют вражых коней копытами, кусают, не дают всем скопом на хозяев напасть. Проложили братья кровавую улицу, отпрянул враг, отпора такого не ожидавший. И понесли кони седоков своих без дороги по лесу тёмному от погони спасая. Выручай земля родная русская, укрой от погони, оборони. Перекрестились братья, на волю Божию положившись, да и отпустили поводья на Господа и коней надеясь. Не видно ни зги, но кони и в темноте дорогу чувят, уносят Ведмедя и Путяту от врагов. Так и скакали покуда рассветать не начало. Остановили братья коней, огляделись и поняли, что попали в места вовсе им неведомые. Лес

стеной стоит, всё ели огромные угрюмые. А понизу папоротник землю закрыл, да такой, что и человека в полный рост скроет. И грибы огромные-мухоморы – гордо стоят, нет мол им в лесу этом поединщика! Никогда доселе не бывали здесь братья, и никто из соседей о лесе таком не рассказывал! Соскочили братья с коней, расседлали их да вдоволь поводили, остыть коням давая. Напоили, из сум перемётных овёс достали, покормили спасителей своих. Конь он сам о себе не позаботится, ему помощь нужна, ну а уж он тебе и в схватке помощник, и в работе основной. Бревно ли из леса вывести, землю ли вспахать, как без коня? Подстрелил Ведмедь зайца, а Путята рыбы в бочаге лесном наловил. Огонёк развели и перекусили славно. Испекли зайца глиной обмазав, а рыбу на прутиках поджарили. Соль то у них всегда с собой была. Хранили в тряпице среди припасов других. И стали братья решать, что дальше то делать? Дом их сожгли наверняка, да и не простят налётчики смерть товарищей своих. Так что назад хода не было. И порешили Ведмедь да Путята на Север идти, к горам и равнинам неведомым. Отдохнули и в путь собирались тронуться. Да не тут то было. Слышат голос чей то жалобный, вроде на помощь зовёт да не понять ничего. Но ясно что не чудище лесное и не зверь дикий в голосянку играют. Хоть и неразборчиво, голос на человеческий похож. Пошли братья вперёд и видят. Старушка малая с носом крючком над пнём наклонилась да так и стоит. Только голосит неразборчиво, но жалостно очень. Пригляделись и видят. Решила старая мёдом пчёл диких полакомится, загнала в трещину поверх пня клин деревянный, да и давай мёд слизывать. А тут, как на грех, видно ненароком клин и вылетел. Так что губа нижняя в плену оказалась. И рада бы старая назад клин загнать, да руки короткие. До клина не достают. Так и стоит в тоске и печали, ждёт, что кто-нибудь на помощь придёт. Подобрал Путята клин, загнал его в трещину. Освободилась старушка. Отдышалась да и говорить. Спасибо за помощь Может и я вам для чегонибудь пригожусь? Рассмеялся тут Ведмедь. Говорит, нам жёны нужны, да какая из тебя жена? Мать у нас своя была, и мы её не забудем. Ну а в сестры, сама видишь какая из тебя сестра? Так что проваливай старая подобру-поздорову. Тут старушка и говорит, а куда же мне идти то, милоч? Ведмедь и раздумывать не стал. Да провались ты говорит хоть в тартарары, мне то что за забота? Тут старушка пальцами щёлкнула и говорит, да будет по слову твоему, только не для меня а для тебя. И исчез Ведмедь! Путята как стоял так и на землю сел. Где ж брат мой, старая, говорит? Мы к тебе со всем почтением, из плена деревянного освободили, а ты куда ж брата моего дела? А ну, давай назад возвращай! Тут старушка малая расплакалась и говорит. Прости ты меня окаянную, не могу я брата твоего возвратить. Я ведь тут у пня почитаю день цельный стояла. И больно было, да и страшно тоже. Ни от зверя спастись, ни от пчёл разъяренных... А тут брат твой слова обидные говорит, а за что? Я ж вам только в благодарность помочь хотела. Ну и не стерпела, заколдовала на шесть-восемь брата твоего. На шесть лет и восемь кругов ужасов и страшилищ в тартарарах! И никто его расколдовать не сможет. И он и конь его сейчас в тридевятом царстве, тридесятом государстве в рабстве у Чуды-Юды Нерадивого. В работе они на полях мёртвых, зубами драконьими засеянных. Из зуба каждого вырастает один росток. Если землю рыхлить, потом трудовым поливать, то урожай будет обильный. Не простой урожай. Вырастут из драконьих зубов исполины. Чудо-Юдо Нерадивое получит с земель своих воинов несметное количество и всё вокруг завоюет. Тут Путята призадумался и говорит. Это ж сказки какие то! Пока мать жива была любили мы на ночь страшные сказки слушать. Малая старушка удивилась да и говорить, а ты сейчас где находишься? Ты как думаешь, я то кто? Путята и говорит, имени твоего я не знаю ещё, но, по виду, женщина почтенная, в годах, правда, но никакой беды в этом нету! Бабушка, одним словом. Рассмеялась старушка, повела рукой вокруг и открылась тут избушка об одно окно, одну дверь и на ногах куриных. А может и не на куриных, но точно что птичьих. Давай говорит добрый молодец знакомится. Зовут меня Веселушка-Хохотушка, некоторые ещё и бабой Ягой, костяной ногой кличут, но я на этом не настаиваю. Как то ближе к характеру моему весёлому и открытому первое имечко. Пойдем в избу, гостем

будешь. Баньку примешь, пообедаеть, а там и поговорим. Искупала бабка Путяту внутри печки своей большой, накормила обедом вкусным. И суп был духовитый да наваристый, и леши в сметане удались очень! Сидит Путята на лавке, в рубашку чистую обряжен. А брата всё время с болью вспоминает. Рассказал он старушке-бабушке как с ворогами дрались, да как от погони уходили. А куда кони их занесли, то он и не ведал. И за брата извинился, да вот прямо сейчас не могла Хохотушка ему помочь. Уж больно сильно заколдовала! Однако говорит помогу я тебе в другом. Перенесу я брата твоего с конём его вот в этот перстень. А на Чудо-Юдо Нерадивое морок напушу. Вроде как брат твой на него у него работает. У Юды работников много, авось недостачу и не заметит. А брат твой без забот и хлопот спать будет волшебным сном в перстне этом. Ну а ты сон его оберегай, и конь его с ним будет. Не возражаешь? А что бы брата расколдовать должен ты всё равно у Чуды-Юды побывать, с Юдой сразиться и царство егопоганое прикрыть. Когда выполнишь всё, верну я тебя в землю твою русскую, на Неглинку реку, к холму Боровицкому. А сейчас поживи в стране нашей сказочной, да за дело правое и здесь постой. Должен ты знать, что мы, лешие всякие, кикиморы болотные, кот Баюн, да и Кощей бессмертный от нашествия чужеземной нечисти пропадем. Откуда, нам и неведомо, нагрязнула беда. И Чудо-Юдо Нерадивое, и Чурило Пленкович неистовый, и другие нам до того вовсе неведомые. Джины, да эльфы, ифриты, да Автандилы с Паатами... Как скажи треснуло что то в мире нашем сказочном, и полезла из щели нечисть всякая. Ну а мы, хоть и сами нечисть, водяные да бесы лесные, болот и трясин обитатели, чащоб буреломных жители, не готовы оказались отпор дать. Да и то сказать, народ мы мирный. Вот хоть Кашеюшку возьми. Вроде злодей он несусветный, да это больше разговоры одни. Ну накопил богатства несметные, а кто накопить не хочет? Украл раз Василису Прекрасную, так потом от Ивана то ли дурака, то ли царевича по полной пострадал. И за Кощея ответил. Совсем тихий сейчас. Ложку в ухо несёт! Кот Баюн по птичкам специалист. Влёт их снимает и харчится. Ну а какой кот птичек не ловит? И не ест? Кикиморы путников в болота, а лешие в чащобу заманивают! Да это больше слова одни. Собьётся путник с дороги, в болото вопрётся и давай дурь свою на леших да кикимор переключивать. А они ни сном ни духом. А вот нечисть заморская, что к нам поналезла творит зло безнаказанно. Ифриты огнём леса жгут, джины любого достанут и замучают, эльфы стрелами волшебными хоть днём хоть ночью беса любого истребят и шкурку его бедную как трофей на кустах развешат. Автандилы с Паатами в царство наше беззащитное ввели ворогов лютых, что у них в приятелях ходят. Сами то они не могут ничего, но словами пакостят, да Чурилу и Юду на беззакония подговаривают. Много зелена вина вина у нечистиков этих, так что спойть да на беззакония подбить легче лёгкого. Один у нас боец оставался-Горыныч-змей, да и он оплошал. Может слышал ты, что головы у него три. Раньше он про это и не задумывался. Чего добывал, то всеми головами и схарчивал. А тут Паата положил три куска мяса перед каждой головой, и говорит, какая, мол, голова главная и умная, та первой есть не начнёт! Вдруг, мясо отравлено? Задумались головы, застыл змей Горыныч. Не ест, не пьёт, всеми головами думу думает. Какой голове есть не начинать! Должно падёт скоро от бескормицы. И это над мясом сидючи. А помню поймал Горыныче Лиху заморскую, одноглазую да мне и говорит: «Хохотушка, давай Лиху жрать! Мне мясо и кости, остальное я доем!» Во как. И без раздумий и размышлений! Однако, заболталась я! Держи перстень, да спать ложись. Утро вечера мудренее. Взял Путята перстень, повесил его на гайтан с крестом рядом, повернулся на бок да и заснул сном молодецким. Утром разбудила его старушка Веселушка, накормила кашей, полив её маслом постным, и говорит: Дам я тебе кое-что с собою. Смотри! Две ленты, красная и синяя. Бросишь их за собою, сразу огонь будет от ленты красной. Пожар лесной или степной. От ленты другой река разольётся. Всё за тобой затопит. Вот гребень возьми. Бросишь за спину, сразу горы могучие с вершинами снежными тебя от погони заслонят. И вот тебе ещё одна волшебная вещица. Вроде сучок с виду, да не простой. Он всегда тебе путь к царству Чуды-Юды укажет.

Да и дружок его Чурила-Пленкович там же находится будет. А ты помни всегда! Коварны они, что силой не могут, то хитростью возьмут. Не верь словам их, а круши по делам их подлым. Так и рассуждай. И помни всегда. Для тебя ДА-есть да, НЕТ-есть нет, а остальное от дьяволов заморских. Никаким «Может быть» не верь. Морок это, искушение коварное. Вывела Веселушка-Хохотушка Путяту на тропочку, дала узелок с едой на дорогу, и долго стояла. Вслед добру-молодцу и коню его смотрела, слезу горячую со щеки смахивая! А всадник с конём всё меньше и меньше становились, да и исчезли вдали! Вот уж какой день едет Путята тропами не хоженными, путями-дорогами не ведомыми. Через горы высокие, через реки глубокие. Лесами проходит дремучими, болотами не проходимыми. Как то раз ночь почти застала путника посредине болота огромного. Нашелся, правда, островок небольшой, да сухой. Решил Путята здесь переночевать. Костерок разложил, воды вскипятил, бросил в котелок крупы да сала, вот и каша готова. Ох! Хороша! Это с устатку то, да с голодухи дневной. И конь рядом стоит, овсом хрумкает, и ему отдых да корм нужен. Тоже устал! И совсем уже почти задремал молодец, да сквозь сон видит, что вроде бы ветка огромная древесная к коню его тянется. За уздечку ухватила, да в пучину болота, в бочаг глубокий правит! Выхватил Путята из костра головешку да в ветку эту и швырнул, как раз попал. Рёв раздался. А Путята не дремал. Схватил рогатину да и поддел вроде как веток охапку, а затем за себя, к костру поближе и бросил. Тут то рассмотрел он, что за добычу ухватил. Сажени в две из старых веток скрут, рот поверху огромный, да глаза в костра свете огнём горят. Прижал молодец скрут рогатиной, да в костёр его правит. Вырывается нечисть, пищит жалобно, о пощаде молит. Попридержал себя Путята, решив врага пораспросить. Кто ты такой-говорит, и пошто обычаем воровским коня моего свести хотел? Какого ты роду племени? А скрут и отвечает. Коня, честно тебе скажу, свести хотел не для пропитания, а из характера вредности. Должен я пакости большие и малые творить во славу господина моего Чуды-Юды. Зовут меня именем скромным и красивым, ибо прозываюсь я Чиграш Тринадцатый! Господин дал мне Пограничье во владение. Должен я здесь оборону против врагов держать, да пугать всех, да вредничать! А ты бы лучше мне покорился, на землю лёг. Я тебя не больно съем! И конём закушу. Нет вас обоих, нет и проблем как для вас так и для меня. Может так лучше будет. А Путята чует как слабнет он, речей бесовских наслушавшись. Э, нет, говорит. Отвечай мне как на духу, какие такие заставы да войска отсюда до царства Юдового стоят, где силы вражды находятся. Да и подвинул Тринадцатого к огню поближе. Понял тот, идет беда неминуемая, заговорил быстро. Царство-государство наше обширное. Впереди будут леса, эльфами и сильфидами населённые. Затем пустыни песчаные, место обретания джинов и ифритов. Затем замки заброшенные, зомбями населённые, а там и степи с горами и пропастями вперемешку. Так там гоблины и тролли масть держат, над всем пространством владыки. Слышь, может не пойдёшь? А то ведь там и съедят, так чего откладывать то? Только муку продлять. Давай, давай, ложись. Сразу и начнём. Ты не волнуйся, я про коня не забуду. Ну до чего же ты меня достал, говорит Путята. Нет на тебя угомона. Так хоть укорот тебе сделаю. Да и бросил скрута в костёр. Только его и видели. Даже воздух чище стал, болотом пахнуть перестало! А тут и рассвело. Осторожно проехал болотом Путята. Где коня в поводу вёл, а где и гатить топь пришлось. Опасно было, но выбрался. Перекрестился да и дальше поехал. Смотрит, лежат впереди леса немеряные. Огромны деревья, высоки травы, запутаны кустарники. Посмотрел на сучок-путевичок, так тот прямо в чашу показывает. И не хочешь, пойдёшь. Как в народе говорят, глаза боятся, а руки делают! Едет конь молодецкий, поёт песни седок. Страхи да ужасы от себя отгоняя. И вдруг из чащи лесной дева выходит. Непростая дева. Сама роста огромного, волосы зелёные, тело всё расцветки защитной, в пятнах и полосах. Не сробел добрый молодец. С коня слез и поклонился. Здравствуй, говорит, девица —красавица. Разреши предствиться тебе. Зовут меня Путята, сам я из стороны далёкой. От дела я не лытаю, а дело пытаю. Брата своего родного ищу, Ведмедем зовут. Попал он в полон к Чуде-Юде, да другу его Чуриле. Не слышала чего?

От речей таких девица в изумление пришла. Видно, никто и никогда её красавицей не называл. А может парень понравился. А из леса тут толпа народа в зелёных одеждах вывалила. С луками все, со стрелами. И примета особая имеется. Уши у всех стоят топориком и к концу вверх заостряются. Наставили они луки на Путяту, видно убить хотели, да прикрикнула на них девица, и успокоились все. А девица возьми да и заговори. Мы, говорит, народ лесной. Мужики наши эльфами зовутся. Мы же, существа рода женского, зовёмся сильфидами. Я царица местная, одна правительница на всех, прозываюсь Сильванией. Что обозначает «Лесная»? Народ мы не вредный. Да вот попали в зависимость от Юды. Сами виноваты. Нечего было мне с Чурилой в карты играть садиться. Знала ведь я, что у него в колоде восемь тузов, а села! Он сперва мне для понта много чего проиграл, а затем и говорит, давай на всё! Я говорю, а ты чего ставишь? Он мне и врёт. Мол, душу бессмертную. Она во много золота, серебра и камней драгоценных идёт, на неё покупателей тьма. Нарасхват! Только ты, говорит, тоже добавь. Если я выиграю, то царство ваше мне и благодетелю моему Чуде-Юде сто лет служить будет. Охотники вы, так дичину к столу нашему направляйте, ну и как воины послужите. Знала бы я, что душа Чурилина-пар гнилой, как у ракушки. Ну какая у нежити душа быть может? А польстилась! Проиграла, конечно. Так стали мы слугами. И сильфиды и эльфы. Очень ты мне понравился, да не вольна я в делах своих. Придётся тебя либо сразу убивать, это как воинам, либо охотиться на тебя, с дальнейшим направлением тушки к столу господина, во владения его! Это как охотникам. Спросил Путята, а по другому как нельзя? По другому то можно. Только хуже ещё будет. Можем мы тебя как грибы засолить, или как варенье из ягод сварить. Только тебе от этого не легче будет. В бою, либо на охоте помереть всё лучше будет! Дам я тебе день форы, как мне лично приятному, беги подальше, а команда моя из эльфов охотиться на тебя будет. Поймают-убьют, необессудь. А спасёшься, слово моё крепкое. Никто более тебя не тронет. А сейчас садись с нами, да отведай дичины, что ещё недавно в лесах наших бегала. Уселись все в круг, да и давай уплетать за обе щеки. Путята ест от души, хоть и знает, что впрок не наешься, дай боже наворачивает! Но всё хорошее кончается, поели-в путь пора, уносить ноги подальше. Сел добрый молодец на коня, да и в дорогу тронулся. А сам думу тяжкую думает. Как ему от охотников прирождённых, следопытов отменных спастись? Какую такую хитрость выдумать? Придумал. И посреди леса огромного иногда овраги встречаются. Глубокие, с берегами отвесными. И в длину бывают овраги эти размера не шуточного. Вроде от тех времен овраги эти остались, когда прадед Чуды-Юды с Кощеем Бессмертным землю делить задумали. Поймали Змея Горыныча, запрягли его в плуг огромный и борозду по всему миру хотели провести. Вот только Змей то был с крыльями, предпочитал лететь. Ну кое где его все же на землю приопускали. Так вот там то овраги глубокие да длинные и остались! Землю так и не разделили. Порешили считать её своей для каждого. А окончательный расчёт после произвести. Как раз при внуке Чуды-Юды это и произошло. Не опасны более ни Кашей, ни Змей Горыныч. Горе побеждённым! Прошёл дном оврага Путята, нарочно следы свои везде оставляя, да и на склон его выбрался. Время есть. Можно поспать. Да и коню отдохнуть пора. А утром слышит, сорока-птица в лесу раскричалась, летает поверху, Путяте знать даёт, что охотники безжалостные за ним идут. Да и сам он видит как вдалеке, по дну оврага, цепочкой эльфы по следам его крадутся. Подождал Путята пока дойдут они до места в овраге самого глубокого и бросил вниз ленту голубую. Враз река быстрая по дну побежала, силу на глазах набирая. Всё глубже и глубже. Забегали эльфы заволновались, но спасения нет. Кто от ревущей воды, корни деревьев и камня огромные выворачивающей, убежит? Нет спасения! Вот вода овраг наполнила и успокоилась. Нет никого на поверхности, вроде всегда так и было. И рыбы плавают! И лягушки кричат. Перекрестился Путята, помянул словом добрым старушку Хохотушку, да и далее отправился. Скоро ли не скоро, только легли под коня копыта земли вовсе дикие. Жара стоит страшная, воды нет, не растёт ничего, да вдобавок один песок вокруг. А сучёк дорогу прямо вперёд указывает. Не свернёшь! К ночи добрался Путята

до развалин каких то. Решил здесь и заночевать. Вот только воды бы добыть. Сам и потерпеть может. Коню же не объяснишь! Нет среди развалин воды, только черепки валяются. А вот и один целый горшок лежит. Только формы странной. Таких на Руси не делают. Внизу толстый а горлышко длинное. Ручка к нему приделана. Красивая вещь, да не нужна совсем. А крышка, гляди-ка, смолой намертво замазана. И письма на ней какие то. От пыли видно совсем плохо. Потёр рукавом крышку, тут то пробка и вылетит. Повалил из кувшина дым и явился Путяте мужик огромный и страховидный, в воздухе слабо колеблющийся. Я, говорит, раб этого кувшина и твой теперь тоже. Повелевай немедленно, а я слушаться тебя и повиноваться буду. Путята в себя пришёл, тоже мужик не робкого десятка был, да и говорит. Я и слышать не хочу о том, что бы у меня рабы были. Вот рядом садись и рассказывай. Кто таков, от кого скрываешься, чего скрываешь? А попервам имячко своё честное мне скажи. Как тебя звать – прозывать будем? Имя мое о достойнейший из достойных Бенадрипл ибн Муракани. И принадлежу я к породе огненных джинов, самых честных и умных среди всех джинов земли. Ни от кого я не скрываюсь и скрывать мне нечего. Всё расскажу. Сильно было царство наше. Повелитель джинов Хоттаб ибн Омарт правил по справедливости. Джинны четырёх стихий жили в своё удовольствие. В дела друг друга не вмешивались. Каждому и своего вполне хватало. Охраняли покой и порядок у нас ифриты, существа огромные и всегда с мечом наголо. Да и охранять то было не от кого. Мы бы сами любого вражину в порошок стёрли. В пыль песчаную. Но вот как то пришли к повелителю нашему послы от могущественного царя царей Сулеймана ибн Дауда. Говорят, порешил государь наш вас ничтожных под руку свою взять. Будет править милостиво, а вы служить ему будете. Джинны огня-тандыры чуречные растапливать, джины воды-муку разводить да в лаваша превращать, джины земли-виноград выращивать, ну а джины воздуха дворцы повелителя охлаждать, ветерок лёгкий создавая. Ифриты же, как есть с мечами, в войны пойдут. Продам я их в царство-государство Чуды-Юды, двоюродного моего родственника как по отцу, так и по маме. Царь наш от таких речей посольских совсем притих. Да и мы мало что сказать могли. Потому что поднял посол в руке проклятие всей жизни нашей-волшебный талисман Чулюк Ифтифляль! Да и сказал слова всем нам противные, силы лишающие, «Растворяю силу вашу, превращаю всех в рабов, и клянусь, не есть мне кашу, из отборнейших бобов!» Как в кувшине очутился, не знаю. Только в памяти слова остались. Будешь рабом кувшина до тех пор, пока не освободят тебя из заточения. А сколько лет, то тебе будет неизвестно. Сиди, да жди. Выполнишь ты в благодарность за освобождение одно желание, а потом свободен будешь, пока нам не надоест тебя на свободе видеть. А в выполнении не можешь ты хоть малого вреда причинить нам, послам, народу нашему, государю и родне его. И сидел я в кувшине этом сам не знаю сколько лет. И хоть еды мне не надобно, но скука же смертная одолела. Так что благодарен я тебе очень и услужу от души. Не хочешь раба иметь не надо, тогда меня как друга прими. Зови меня коротко-Беня, да скажи как тебе услужить. А что бы не голодно тебе и коню было, я вот что сделаю. Щелкнул джин пальцем, и стол накрытый появился. И чего там только не было. И лепешки свежие, и барашек жареный, и фрукты-овощи заморские. А для коня забил из земли источник волшебный, вода холодная да вкусная. А рядом корыто огромное с овсом свежим. А джин и говорит: «Дастархан для вас готов, кушать подано, жрать пожалуйста!» И Путята и конь ждать не стали. Давай себя с едой в единое целое объединять. Аж у Путяты за ушами хрустит! Давно не ел, да и конь не отстаёт. От души едят! Поел Путята, руки в источнике сполоснул, лицо умыл. И сел далее с джином разговаривать. Рассказал ему про свои боли-печали, про брата пропавшего, про сторону свою волшебную, от злого Чуды пропадающую. Да про дорогу дальнейшую. Джин сказал, что перенесёт его через пустыню мертвую, бескрайнюю. И коня прихватит. И в желание это не сочтёт. Какие, мол, счёты между друзьями? А вот когда действительно нужно будет, совсем край Путяте придёт, вот тогда пусть его и вызывает, на службу. А сейчас говорит спать ложись. Вон у тебя глаза сами закрываются. А я покой твой

охраню, ни один ворог к тебе не подойдет. Упал молодец, где сидел и заснул сразу. А тут и утро пришло. Пора в путь отправляться. Дал ему джин с собой хуржины с едой для себя и коня, воды запас в бурдюках. Обнялись на прощанье, щелкнул джин пальцами, и не стало пустыни. Стоит конь на дороге, которая круто в гору ведёт. А на вершине замок каменный огромный. И сучок-путевичок туда указывает. Тронул коня Путята да в гору тишком и двинулся. Едет, а сам думу думает, что там в замке его ждёт-поджидает! Наверняка нечистики какие. Только вот какие именно, и как воевать с ними? Положился молодец на Бога, перекрестился, да и говорит, «Да воскреснет Бог, да расточатся врази Его!» Смотрит, а замка то на вершине и нет. Так, развалины какие-то, да камней груды! А по дороге навстречу, с самой вершины толпа бредёт. Вроде как люди, а не люди! Все оборванные, что мужчины, что женщины. И вид не живой, мёртвый скорее. Да и не ходят живые так. Идут, руки вперёд выставив, не говорят ничего, да вроде и не видят никого. И все как один лопочут, «Голодны мы, голодны! Дайте нам мяса человеческого, да хоть бы и конины. Всё съедим. Голодно!» И руками разводят, вроде хватают чего! Да в рот свой безразмерный тянут. Понял Путята, что это и есть зомби-живые прямоходящие упокойники. Не убить их стрелой калёной, на рогатину не поднять, ибо жизни в них так и так нет. А они тебя враз съедят, не помилуют. Осмотрел Путята окрестности и увидел мост деревянный широкий, что через пропасть проложен, бывший замок от прочей дороги отделяющий. Поскакал вперёд, да и затаился перед мостом в кустарнике боярышника густом. А живые мертвецы уже на мосту, уже вот вот на другую сторону перейдут. Да не тут то было! Бросил добрый молодец на мост ленту алую. Сразу всё огнём занялось. Полыхнул мост синим пламенем. И зомби с ним. Вот только что был мост, стояли живые покойники, к Путяте ручки тянули. И нет ничего. «Гори оно всё нечистое, не жалко. Самое вам там место» – подумалось. Быстро прогорело, нет больше моста. Врагов нет. Но и пути далее нет! Как теперь через пропасть глубокую переправиться? Ничего не поделаешь, придётся объезд искать. Посмотрел Путята, а сучок-путевичок чуть чуть вправо указывает. Туда и поехал! Скоро дорога под гору пошла, пропасть кончается почти, уже вниз можно править. Впереди открылось огромное поле камней. Стоят столпы каменные как живые, вроде бы даже чуть на людей похожие, только каменные. Осторожно двигаться можно. Есть куда коню копыта поставить. Внезапно грохот раздался. Столп самый большой ожил вдруг, поднялся на высоту полёта птичьего. Огромен, могуч, сам камни с себя отряхивает. А вокруг помельче столпы тоже ожили. Друг в друга камни швыряют, а поймав в рот себе суют и вроде едят даже! Так и замер Путята! Огромный же каменюка, что первым ожил заговорил, загрохотал: «Кто таков, куда путь дорогу держишь, да кто тебе здесь ехать разрешал?» Поздоровался с ним Путята. Сказал, что мимо едет, нет врагов у него здесь, да попросил не задерживать. Тороплюсь, мол, по делам своим скорбным, никого не трогаю, да и ты меня не замай! «Да кто ты таков то будешь, какого рода племени?» Рассмеялся каменный, только камни вниз с него посыпались. Я, говорит, троллей и гоблинов царь. Зовут меня Голем, а служу я службу Чуде-Юде, царю грозному, мудрому и наипуганейшему. Нет в мире его сильней. Только я и могу по силе с ним сравняться, да и то не всегда. Потому что в пору зимнюю нас всех снегом засыпает, и спим мы сном глубоким, смертным до весны. А Юда и зимой не спит, всегда в силе, всегда дела свои царские правит. Потому и сильнее меня считается. Путята долго не думал, враз понял, что силой каменюку ожившую не взять, только хитростью. Говорит, а я посильнее тебя буду! Тут Голем так расхохотался, что обвал каменный сошел, да сель вниз, в ущелье покатился. Как говорит силой меряться будем. Хошь я тебя на одну ладонь посажу, другой как муху прихлопну? Поймёшь тогда силу мою? Нет, говорит Путята. Сначала оговорим всё, а после и об заклад побиться можно. Если ты победишь, пропадай моя голова молодецкая, ну а если я, пойми меня правильно, ты и друзьяки твои каменные враз, как в период зимний, заснёте, да так до лета следующего и проспите. Хорошо, Голем говорит, и руку каменную сверху сует. Держи, да разбивай. Согласен я! А как будем силой меряться? Очень просто

Путята отвечает. Кто из камня сумеет воду выжать, тот и победил. Воду, переспросил Голем. Не слышал! Дело это небывшее, неслыханное и невиданное. Но я попробую. Взял в руки свои каменные камней огромных несколько и давай их давить, воду выжимать. Всё в песок и пыль раздробил, воды ж нет как и не было! Ну-ка, ты говорит теперь силу свою показывай. Легко! Отвечает Путята. Уж давно он в рукаве припрятал сыра кусок овечьего, что джин в дорогу снабдил. Взял с земли камней пару, сыр между ними припрятал да и даванул со всей мочи! Так вода и потекла! Застыли гоблины и тролли, опешил и царь ихний Голем. А потом и говорит. Победил ты меня, и вправду сильнее. Великий и сильномогучий ты богатырь. Не вели казнить, вели волю твою выполнить. А ну, всем до лета следующего спать. И заснули все. А Голем кланяется низко, благодарить, что в живых остался, а затем тоже заснул. Стихло всё, и Путята своим путём-дорогою отправился. Въётся дороженька, не близок путь. Всё дальше и дальше в царство Чудо-Юды, всё ближе брата освобождение. Это если получится. А можно и голову сложить. Запросто. Да ведь не за просто так. Брата родного спасти надобно! Да и нечисти своей, со стороны родимой, помочь! Вот вдали показалось что то огромное, золотом сияет, а на шпиле гусь золотой по ветру вертится. Дворец прекраснейший. Крыша чистого золота, стены малахита цвета. Зелёные! Двери серебряные, а перед входом ифриты стоят. Мечи огненные, у каждого в ноздре серьга и в ухе серьга. Одеты в бурнусы верблюжие, да шаровары широкие алые! А рожи такие, что в стороне православной сказали бы «Хоть святых выноси!» Подъехал Путята к дверям, с коня слез, да и говорит: «Красавцы вы мои, фигуры огненные, глаза бдительные, мечи вострейшие! «Видит, исподтишка, но слушают! Продолжать решил. «Бывал я в стороне вашей и привет принёс от знакомца, может помните имячко чудесное, Бенадрипл. От него и привет. Стали мы с ним друзьями тесными, не разлей вода, хотя я из людей-человеков, а он из джинов огненных! И просил он меня кроме приветов, слова заветные вам передать. Бросайте вы службу посылаю, да домой отправляйтесь. Как у нас на Руси говорят, «Дома и солома едома!» И чего здесь то выслуживать? Во второе ухо кольцо, так вы и так красавцы. Зоговорили тут ифриты наперебой. Мы бы и рады, да боимся догонит нас Чудо-Юдо, всех в дальнее пограничье сошлёт, на службу тяжёлую, ратную! При дворце отстоим мы сколько надо, да и на бок. Служба лёгкая, ничуть не обременительная. А в Пограничье говорят всякие страхи водятся. И Змей какой то Горыныч, и Баба Яга страшная с ногой костяной, да ужас мира-Кощей Бессмертный, что предела злодеяниям своим не имеет, да и знать про пределы не хочет. Нам про них Чурила Пленкович что ни день рассказывает. Построит всех нас, кто от службы свободен, ходит вдоль рядов и все расклады даёт. Сколько Змею Горынычу на один зуб ифритов надобно, да сколько Баба Яга ногой своей костяной за один раз нашего брата побивает! Так что боимся мы и с поста не уйдём. А Путята и отвечает: «Дело ваше поправимое. Имею я вещь специальную, вас от всего спасти могущую.» И достал гребешок, Хохотушкой в дорогу подаренный. Вы ифриты в бега подавайтесь, а я вас от беды горами высокими, с вершинами снежными прикрою. До трёх, говорит, считаю, и что бы духу вашего здесь не было. А ну! Раз, два, три... Ифритов как ветром сдуло. Вот только стояли и нет никого. Никто дворец не охраняет. Пора и слово выполнить. Поплевал Путята на гребешок волшебный, бросил за спину сбежавшим. Поднялись горы непроходимые, нет погоне хода. Привязал Путята коня к ручке золотой, а сам ногой другую половину открыл, да по палатам сияющим шествует. Вот и зала парадная. На помосте, бархатом рытным крытом, Чудо-Юдо сидит, с Чурилой в карты играет. Да всё время выигрывает. А Чурила и рад. Опасно у господина в выигрыше быть. Враз может башку с плеч снести! Увидели злыдни Путяту, аж заохали. Кто таков, как сюда попал, с какой-такой целью коварною? Что замышляешь, злоумышленник эдакий? Отвечает молодец, что брата своего выручить хочет. Мол по ошибке заколдовали его, так что он среди рабов здесь числится, поле с зубами драконьими обрабатывает. И конь его при нем. Так что брата вернуть бы на волю желательно, да про коня тоже не забыть! Перемигнулся Чурило с Чудо-Юдой да и говорят. Мы вот что

придумаем. Давай в карты на брата твоего и коня сыграем. Ты выиграешь, бери его назад, ну а проиграешь, так сам рабом здесь послужишь! Договорились? Но только помни. Перед тем как брата вернуть, это если всё же выиграешь ты, службу малую, тебе по силам вполне, сослужишь. Соберёшь урожай с поля, что зубами драконьими засеяно, да в амбары отвезёшь. Вот и служба вся. Говорит тут Путята, что, мол, никогда и в карты не играл, как играть не знает, расскажите мне говорит хоть правила. Игра, отвечает Чурило, простая до нельзя. И по простоте своей дорогой железной прозывается. Вот карт колода. Я открываю карты красного цвета, а ты следующим будешь, откроешь цвета чёрного. Кто не своего цвета карту первым открыл, тот и проиграл. Идёт? Понял Путята, что проигрышь ждёт его неминующий. Ловки мошенники Чудо-Юдо с Чурилою. Сильфиду обыгранную вспомнил. Пора, к помощи джина прибегать, а тот тут как тут. Вроде всегда за ухом сидел. Шепчет, соглашайся и играть начинай. А тут и игра. Чурило первый ход Путяте уступил. Тот открывает карту, красного цвета она. Чурило усмехнулся и одним пальцем карту следующую из колоды добыл. И застыл! Карта была цвета зелёного! Что делать? Путята в положение вошёл, тyani говорит ещё одну. Тот за карту, а она шмыг под помост. И хихикает мерзко. Оторопели оба – два Путяты соперника. Что и делать не знают, но видно, что испуганы сильно. Пошептались между собой а затем говорят. Ты выиграл, брат твой и конь его твой. Только уговор помнишь? Пошли урожай собирать с поля драконьего! Пошли, только и сказал Путята. А тут вот оно и поле! И всходы в рост пошли. Стоят воины-исполины, перья на шлемах ветерок покачивает и в рост, в рост. Созревают стремительно, видно. Вот-вот совсем созреют, в ряды построятся и на Путяту. А им то чего, созревшим? Сила есть, ума не надо. Что делать? Нашёл Путята в кармане монету малую, полушкой называемую, да бросил её в сторону, где Чудо-Юдо с Чурилой Пленковичем стояли. Тут и все воины грозные, достав мечи булатные, в то место бросились. Рубят себе подобных в ленточки мелкие, да и парочке злодеев досталось. Монетка то как раз между ними и упала. Порубили сами себя воины, из драконьих зубов выведенные, да и Чуды-Юды с Чурилой не стало. Никого не пощадили. Последний же воин-исполин на Путяту кинулся, да тот то на месте не стоял, того дожидался. Как когда то на медведя, поставил Путята рогатину вперёд и вверх, дождался напора самого, да и всадил оружие своё под грудь нападавшему. Тот не понял ничего. Напирает дальше, а рогатина всё глубже и глубже входит. Против рожна не попрёшь. Замер и последний воин-исполин, сам себя убивший. Тут откуда не возьмись и брат его с конём появился. Ох и крепко я спал говорит, ничего не помню, что со мной было. Рассказал ему Путята всё от начала и до конца. Подивился Ведмедь брата приключениям, да спросил, как выбираться отсюда будем? Позвал Путята приятеля своего, джина огня, по имени Бенадрипл, с братом познакомил. Помоги, говорит, нам с конями в нашей родной сторонке очутиться. Отвечает джин: «Слушаю и повинуюсь». Только доставить вас могу в страну, откуда ты сюда попал. К избушке на ножках птичьих. Поскольку прибыл ты из сказки, да и сам я персонаж не из жизни реальной! Хорошо? Давай, говорит Путята, а то я от всех этих дел устал немного. И не успели глаза закрыть, как вот она избушка, а на пороге встречает их Веселушка-Хохотушка персоной собственной. Обрадовалась она, Путяту с братом увидев. В избу приглашает, к столу зовёт. А чего и не поесть, не попить, коли работа неподъёмная выполнена. Злодеи наказаны, а брат спасён! Сели за стол дубовый, на нём целый бык жареный стоит. В боку нож вострый, да рядом блюдо с чесноком толчёным. И сбитень горячий в ковшах. Пируй себе ни о чём не думай. Рассказала хозяйка, что перемены у них большие. Очухался Змей Горыныч, сожрал одномоментно все три куска мяса, совсем ни о чём не задумываясь. Не Горынычево, говорит, это дело – думать. А тут и Паата с Автандилом подвернулись Горька их участь. Подошли слишком близко, а к Горынычу только только аппетит возвращается стал. Сlopал, конечно и не поморщился. Кощей Бессмертный помаленьку оправился. Над золотом всё ещё чахнет, а в разум снова вошел. Уже и задумками своими со мной делился. Размечтался такую пакость совершить, что бы все ахнули. Да позабыл только, что всё уже было в веках.

Так что и нового ничего и не совершишь. Только опозоришься! Так что пейте, ешьте да спать ложитесь, а утром в дорогу. Так и сделали братья, и ещё извинился перед старушкой Ведмедь, что вёл себя со старым человеком не по разуму. Простила его Хохотушка, давно простила, а всё человеку приятно, что перед ней извиняются. Наутро сели братья на коней, Веселушка полотенце перед ними кинула. Простёрлась дорога прямая, в даль идущая. Только ступили на неё кони, а вот уже и холм Боровицкий впереди. Дома они. И врагов след простыл. Порешили братья в леса уйти, время смутное переждать. К соседям своим заглянули, что рядом жили. Узнали, что и те решили в лесах дремучих от злого врага спастись. У соседей как раз две дочки-погодки были. Так что братья их за себя и взяли. Стали жёнами верными, помощницами первыми. Погрузили они на телеги жита да овса запасы, забрали из схрана пушнину, и подались на Север, куда враги не доходят из-за болот непроходимых, рек стремительных, лесов густых. Там и остановились и жизнь новую начали. Постепенно сбредался к ним люд окрестный. И славяне шли, и народ финно-угорский и кочевники бывшие, тюрками называемые. Так и ещё один город русский образовался. А Путята и Ведмедь были в нём тысяцкими, народом справедливо управляли. От них и пошёл на Руси род Путятиных, да Ведмедевых. Вот и весь сказ про времена стародавние, прошлые. Про дедов и отчичей наших, что Русь любили и от врагов хранили, что и нам завещано. А мы страну нашу детям, внукам передадим. Будет она молодеть да крепнуть на радость друзьям, на страх недругам!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.